

Къ исторіи борьбы съ пьянствомъ на Руси.

Рѣшительный ударъ пьянству въ Россіи нанесенъ въ наши дни, одновременно съ началомъ войны съ другимъ вѣковымъ врагомъ славянства—нѣмцами. Закрытие сначала на время мобилизаціи, потомъ на весь періодъ военныхъ дѣйствій казенныхъ винныхъ лавокъ и ограниченіе продажи вообще спиртныхъ напитковъ показали, съ одной стороны, что правительство хочетъ и властно бороться съ алкогольной отравой, а съ другой стороны—спокойствіе и даже радость отъ этого шага опивавшагося до сихъ поръ русскаго народа обнаружили, что онъ можетъ обитись безъ хмельныхъ напитковъ. Такимъ образомъ, классическое изреченіе вложенное лѣтописцемъ (или авторомъ особой повѣсти) въ уста кн. Владимира: „Руси есть веселье питье, не можемъ безъ того быти“, теперь потеряло свой живой смыслъ, хотя довольно вѣрно характеризовало отношеніе къ охмеляющимъ питьямъ русскихъ не только X—XII вв., но и всѣхъ послѣдующихъ, вплоть до настоящаго момента.

Издавна засвидѣтельствованную любовь славянъ вообще и русскихъ въ частности къ хмельному нѣкоторые ставятъ въ связь съ строемъ земской жизни и готовы даже идеализировать ее, что касается давнихъ временъ: *почетные и честные братчины, пиры и бѣстыды*, на которыхъ „братски сходился человекъ съ человекомъ, сходились мужчины и женщины“, содѣйствовали тому, что, „скръѣпленная весельемъ и любовью, двигалась впередъ социальная жизнь народа“, „и питейный домъ дѣлался центромъ общественной жизни известнаго округа“¹⁾. Но насколько эта идеализація не со-

¹⁾ Крыжовъ, И. Г., *Исторія табаковъ въ Россіи въ связи съ исторіей русскаго народа*. Изд. 2. Казань. Стр. 7. 10.

отвѣтствовала исторической дѣйствительности, достаточно вспомнить свидѣтельство о пьянствѣ русскихъ араба Ибнъ-Фоцлана (X в.): „они предаются питью вина неразумнымъ образомъ и пьютъ его цѣлые дни и ночи; часто случается, что они умираютъ съ стаканомъ въ рукѣ“ ¹⁾. Это—мрачное веселье и любовь—только къ вину! И подобныя картинки приходилось наблюдать чрезъ полтораста лѣтъ преп. Феодосію, хотя русскіе подверглись уже благотворному вліянію христіанства. Печерскій игуменъ видѣлъ, какъ пьяные ползали на колѣняхъ, не имѣя возможности стать на ноги, какъ валялись въ грязи и навозѣ, на посмѣяніе всѣмъ людямъ ²⁾...

Можно было бы думать, что въ отношеніи къ хмельнымъ напиткамъ русскіе послѣ крещенія не измѣнились. И, дѣйствительно, есть данныя полагать, что христіанская церковь не отнеслась съ рѣшительной строгостью какъ разъ къ тѣмъ языческимъ обычаямъ, которыми сопровождалось пьянство, и даже какъ будто санкціонировала ихъ. Апостоль Россіи, святой князь Владиміръ, отличавшійся въ язычествѣ любовью къ пирамъ, сдѣлавшись христіаниномъ продолжалъ устраивать частые „почетные столы“, но въ этотъ разъ съ благословенія церковной власти, поощрявшей благотворительность, ибо въ праздники Владиміръ кормилъ не только дружину, но и нищихъ и духовенство ³⁾. Хорошая цѣль этихъ пировъ заставляла духовенство закрывать глаза на излишества, которымъ предавались пирующие, въ томъ числѣ сами духовные... Не могло духовенство запретить и тѣ пиршества, которыми сопровождалась похороны и поминки умершихъ у русскихъ славянъ: этотъ языческій обычай былъ даже поддержанъ, потому что и духовенство проповѣдывало необходимость молитвеннаго поминованія усопшихъ въ нѣкоторые дни и поощряло кормленіе нищихъ, собиравшихся на поминки, и самихъ духовныхъ, являвшихся первыми гостями на этихъ трапезахъ. По тому же мотиву поддерживались и всякія пиршества—по случаю семейныхъ ли торжествъ или церковныхъ праздниковъ, случайно совпавшихъ съ праздни-

¹⁾ Голубинскій Е. Е., Исторія русской Церкви, I, 2, стр. 263.

²⁾ Ученыя записки II отдѣленія Императорской академіи наукъ. Книга II, вып. (СІВ. 1851, 198, 199.

³⁾ Похвала Владиміру монаха Іакова. — Голубинскій, о. с., I, 1, стр. 242—243.

ками народными. Иногда приспособленіе духовенства къ народнымъ праздникамъ и обычаямъ шло такъ далеко, что оно допускало или совмѣщеніе въ одинъ день христіанскаго праздника съ языческимъ или употребленіе чисто языческихъ обычаевъ и обрядовъ. Изъ одного слова мы узнаемъ, что священники ради своихъ „окладовъ“ дозволяли обычай ставить во второй день Рождества Христова трапезу Роду и Рожаницамъ и освящать ее тропаремъ Богородицы. А авторъ другого слова прямо заявляетъ, что духовенство поощряло такой обычай, какъ освященіе на праздничныхъ пирахъ брашенъ и питій по язычески: „попове и книжницы—одни, видя дѣянія злая и слыша о нихъ, не хотятъ учить, другіе же и сами пріобщаются имъ, допускаютъ совершеніе помянутаго языческаго дѣйствія и ядятъ моленое то брашно“ ¹⁾. Если въ подобныхъ случаяхъ можно утверждать попустительство со стороны духовенства, то ему уже прямо принадлежала инициатива въ введеніи въ русскую жизнь чисто-христіанскаго обычая, тоже прикрывавшаго собою любовь къ хмельному. Разумѣю пѣніе тропарей и выпиваніе каждый разъ чаши вина въ честь святыхъ на праздничныхъ трапезахъ. Этотъ греческій обычай, пересаженный на русскую почву, повелъ къ чрезмѣрному умноженію числа тропарей и—чашъ. Преп. Θεодосію въ концѣ XI в. пришлось уже, борясь съ злоупотреbenіемъ, установить только три чаши—въ честь Иисуса Христа и Дѣвы Маріи и во здравіе государя ²⁾.

Преп. Θεодосій не одинъ боролся съ народнымъ пьянствомъ, но оно все росло и росло, потому между прочимъ, что оно стало подъ защиту церкви. Мало того, что служеніе Бахусу отправлялось подъ покровомъ христіанскихъ праздниковъ и обычаевъ, оно нашло пріютъ въ самихъ церквахъ. Для церковныхъ торжествъ, трапезъ, стало отводиться помѣщеніе въ самихъ храмахъ, въ западной части ихъ, получившей отъ того названіе „трапезъ“.

Приходскіе пиры, называвшіеся иначе братскими пирами

¹⁾ Лѣтописи русской литературы и древности Н. С. Тихонравова, т. IV. отд. III, 101. 89.

²⁾ Ученыя записки II отдѣленія Императ. академіи наукъ, кн. II, вып. 2, 197. 199.

или братчинами, несомнѣнно вели начало отъ языческихъ праздничныхъ жертвъ и поминокъ предковъ, сопровождавшихся пиршествами и тризнами ¹⁾). Приурочены они были къ большимъ или престольнымъ праздникамъ—къ Рождеству, къ Петрову или Николину дню, отчего и назывались *петровщиной*, *никольщиной* и т. д. Кромѣ чисто религіознаго характера братчины имѣли значеніе моральное: онѣ были выраженіемъ приходской солидарности и любви, охватывавшей весь ли приходъ, какъ было на сѣверѣ Россіи, или только членовъ братства, какъ въ юго-западной Руси. Былъ въ нихъ и экономическій моментъ: доходы отъ свареннаго пива или меда шли на нужды прихода и церкви.

Но, несмотря на столь высокія цѣли, соединившіяся съ древне-русскими братчинами, и несмотря на святость мѣста, гдѣ онѣ совершались, людская слабость допустила и здѣсь съ теченіемъ времени рядъ злоупотребленій: благочестивое питье смѣнилось безобразнымъ пьянствомъ, братское трапезованіе выродилось въ ссоры и драки, даже съ смертоубійствомъ. Случалось это тѣмъ чаще, чѣмъ больше „складочное пиво“ мѣшалось съ казеннымъ виномъ. Для этого же смѣшенія возможность была тѣмъ большей, что „государевъ кабакъ“ обычно бывалъ вблизи церкви ²⁾). Еще пѣсня о Васькѣ Буслаевѣ отмѣтила эту близость и эти переходы людей, любившихъ выпить, съ мірскаго пѣра въ кабакъ и обратно:

Послышалъ Василья Буслаевичъ

У мужиковъ Новгородскихъ

Капувъ варень, пива ячinya.

Попель Василій со дружиною.

*Пришелъ въ братчину въ Никольщину.

„Не малу мы тебѣ сыпь платимъ,

„За всякаго брата по пяти рублевъ“.

А за себя Василій даетъ пятьдесятъ рублевъ.

А и тотъ-то староста церковной

Принималъ ихъ въ братчину въ Никольщину.

¹⁾ Объ языческомъ происхожденіи трапезъ см. А. Попова Пѣры и братчины (Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи издаваемый Н. Калачевымъ, книги II-ой половина 2-ая (М. 1854), 39—41. Ср. Папковъ А. А., О братчинахъ или складочныхъ пѣрахъ (Богословскій Вѣстникъ, 1897, I, 382 и д.). Богословскій М. М., Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в., I, 204; II, 22, 23.

²⁾ Богословскій М. М., о. с., II, 22.

А и зачали они тутъ кануя варенъ пить,
 А и тѣ-то пива ячныя.
 Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ,
 Бросился на царевъ кабакъ
 Со своею дружиною хороброю.
 Напилися онъ тутъ зелена вина
 И пришли во братчину, въ Никольщину.

Въ результатѣ „ребята“ стали сначала бороться между собою, а потомъ у нихъ пошла драка съ новгородцами:

„Отъ того бою отъ кулачнаго
 Началася драка великая“.
 Василькины „удалы добры молодцы

 Прибили уже много до смерти,
 Вдвое, втрое перековеркали,
 Руки, ноги переломали“ 1).

Какъ разъ подобный случай смѣшенія приходскаго пива съ казеннымъ зеленымъ виномъ зарегистрированъ въ печатаемомъ ниже документѣ,—случай, и послужившій поводомъ къ окончательному запрещенію, по крайней мѣрѣ въ архангельской епархіи, распитія складочныхъ пивъ въ церковныхъ трапезахъ.

Безпорядки въ церковныхъ трапезахъ давно уже беспокоили духовную власть, недовольную тѣмъ, что міряне, секуляризовавъ, такъ сказать, эту часть храма, сдѣлали ее центромъ своей приходско-волостной жизни и превратили не только въ стѣзжую избу, но и чуть не въ питейный домъ. Въ церковной трапезѣ, по своимъ размѣрамъ равнявшейся самой церкви съ алтаремъ 2) и снабженной лавками и столами, происходили сходы по дѣламъ не только приходскимъ, но и мірскимъ, земскимъ и государевымъ. Въ ней отправлялось правосудіе, дѣлались сообщенія („вѣсти“ и „явки“) обо всемъ, что имѣло общественный интересъ и что происходило въ волости или за предѣлами ея. Трапеза была мѣстомъ храненія волостной казны и государевыхъ и епископскихъ грамотъ, которыя въ ней же и объявлялись. Прихожане тѣмъ свободнѣе чувствовали себя въ трапезѣ, что

1) Древнія російскія стихотворенія, собранныя Киршею Давиловымъ. М. 1818 г., стр. 76, 77.

2) Рус. ист. библіотека, XII, 523.

на нее, какъ и на самый храмъ, смотрѣли какъ на свою собственность. Доходило до того, что они не стѣснялись отправлять въ ней свои мірскія дѣла—со всѣмъ свойственнымъ народнымъ сходкамъ шумомъ, гвалтомъ и крикомъ—въ то самое время, когда въ храмѣ шло богослуженіе. Вотъ что писалъ царю около 1652 г. заказной староста—діаконъ никольской церкви черевковской волости устюжскаго уѣзда Артемій, рисуя положеніе вещей не только въ этой волости, но и по всему устюжскому уѣзду: „когда во святыхъ Божіихъ церквахъ поютъ вечерню, или заутреню, и молебны, и часы, и святую литургію, и въ то время въ трапезѣ за столами сидятъ судьи и цѣловальники, и денежные зборщики съ дьячками, берутъ всякіе государевы доходы, дань и оброкъ, и многожды бываетъ во время святыи литургии и шумъ и крыкъ великъ, земскіе судейки суды судятъ и всякіе совѣты совѣтуютъ мірскія, и приставы на правезе держатъ крестьянъ, правятъ и въ колоду садятъ всякихъ пенныхъ людей, а колода устроена въ трапезѣ“. Случалось иногда, что „во время божественнаго пѣнія и приходятъ въ трапезу и въ церковь кабацкіе цѣловальники и съ приставами и съ кабацкими ярышками, имають всякихъ чиновъ людей въ напойныхъ деньгахъ, и люди смятутца въ церкви и въ трапезѣ,—бываетъ въ то время у нихъ шумъ и крыкъ великъ, что церковнаго пѣнія не слышитъ“¹⁾. Зло приняло такіе размѣры и такъ укоренилось, что съ нимъ не могло покончить даже вызванное челобитной діак. Артемія строгое, подъ угрозой ссылки въ сибирскіе дальніе города, запрещеніе подобныхъ безчиній со стороны государя. По крайней мѣрѣ тридцать лѣтъ спустя (въ 1683 г.) великоустюжскому епископу Геласію пришлось вновь обратить вниманіе на злоупотребленіе прихожанъ церковными трапезами, причемъ онъ попытался совсѣмъ освободить послѣднія отъ служенія мірскимъ цѣлямъ. Владыка распорядился, чтобы, „приходя приходскіе люди къ церквамъ Божіимъ и въ церковныхъ трапезахъ, всякихъ чиновъ люди для всякихъ своихъ земскихъ и мірскихъ дѣлъ сходовъ не чинили, и межъ

¹⁾ Веселовскій С. Б., Нѣсколько документовъ Московскаго главнаго архива Министерства иностранныхъ дѣлъ (М. 1907), 3—5. (изъ 220 книги Читаній Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ).

собою великія раздоры и мятежи и неподобныя матерныя брани и бои не были“¹⁾. Рѣчь шла о переносѣ мірскихъ сходокъ и обсужденія житейскихъ дѣлъ изъ трапезъ и церквей въ другія мѣста, и фактически это было возможно и легко, потому что еще въ началѣ XVII в. кое-гдѣ уже были особыя земскія или „схожія“ избы²⁾. На этотъ путь направляли и духовныя власти. Въ сосѣдней съ устюжской холмогорской епархіи архіеп. Аванасій какъ разъ въ это самое время (1682—1702) указывалъ, что нужно строить земскія избы, и опредѣлялъ минимальное разстояніе, въ какомъ онѣ должны находиться отъ храмовъ (20—25 саж.)³⁾. Труднѣе было прихожанамъ отступиться отъ трапезъ, какъ мѣстъ сходокъ по земскимъ дѣламъ, по соображеніямъ принципиальнаго характера, въ виду вѣковой привычки собираться тамъ и убѣжденія, что трапеза и церковь—мірское строеніе. Но конецъ XVII в. и начало XVIII-го, эпоха Петра вел., были временемъ, когда и свѣтское правительство и духовное ополчились на автономію прихода, на право выбора духовенства и церковныхъ старостъ и на другія привилегіи мірянъ. Распатавъ или даже совсѣмъ уничтоживъ многія изъ нихъ, легко уже было выселить изъ церквей мірскія сходки.

Но не такъ легко было заставить прихожанъ отказаться отъ трапезъ, какъ мѣста совершенія братчинъ и другихъ пировъ, связанныхъ съ церковными обычаями, ибо они имѣли и давность большую и часто поддерживались низшимъ духовенствомъ, лично въ томъ заинтересованнымъ. Черевковскій діаконъ Артеміій свидѣтельствуетъ, что безчиніе въ трапезахъ умножалось въ праздничные дни, когда тамъ пили пиво и происходили брань и драки въ церкви. На всѣ запрещенія „такого нечестія“ со стороны священника и діакона крестьяне одно твердили: „у насъ де то издавна зачалось,

1) Р. И. Б. XII, 567—568.

2) Богословскій М. М., о. с. I, 205. Островская М., Древне-русскій сѣверный міръ, 7 (Архангельскъ, 1912,—отгискъ изъ Извѣстій Архангельскаго общества изученія русскаго сѣвера за 1912. № 3).

3) Веружскій В., Аванасій, архіепископъ холмогорскій, его жизнь и труды въ связи съ исторіей холмогорской епархіи за первые 20 лѣтъ ея существованія и вообще русской церкви въ концѣ XVII в. (СПб. 1908), 245.

были де прежде попы и лугче васъ, а намъ про то не запрещали, сами съ нами пили и насъ благословляли“.

Яркую бытовую картинку такихъ „благословленныхъ“ попами пировъ-братчинъ даетъ та-же челобитная: „Да у нихъ же бываетъ по Владычнымъ праздникамъ или въ которой волости храмъ святому, и крестьяна варятъ пива на поварнѣ, и привозятъ къ праздничной вечерни бочекъ по десяти и болши, и ставятъ бочки въ трапезу, нацѣдятъ пива въ сосуды и приносятъ въ церковь, и поставятъ на столъ передъ Владычнымъ образомъ или Пречистыя Богородицы или которой во имя храмъ праздникъ, отпоютъ святую литоргію и надъ кануномъ, и крестьяна соберутца въ трапезу пива пити и напьютца до пьяна; и бываетъ отъ пьяныхъ шумъ великъ и брань неподобная и срамословіе у нихъ между собою о пивѣ драка и шумъ и вопль и срамословятъ всякіе словеса бестыдно“. Пользовались прихожане трапезами и для поминаній и свадьбъ и даже какъ будто для „вспрыскиванія“ продажи—купли. „А когда они крестьяна родителей поминаютъ—докладываль тотъ же діаконъ—и приносятъ въ церковь къ панахидѣ пивной канунъ и ставятъ въ рядъ съ кутією, да приходитъ въ торгъ продавать зайцы давленныя, а по мясоѣдамъ свадьбы играютъ, лучица (случается) противъ среды и пятка, а приѣзжаютъ къ вѣнчанію ввечеру поздно среди ноши, а послѣ вѣнчанія продолжитца столъ и питіе до заутренняго пѣнія“. Такимъ образомъ, церковныя трапезы превращались въ городскіе рестораны или залы для поминальныхъ обѣдовъ и свадебныхъ ужиновъ. Мало того. Діаконъ Артемій констатировалъ и „иное безчиніе“ въ нихъ: „послѣ Рожества Христова и до Крещенія послѣ вечерни младые люди въ трапезахъ играютъ всякими играми и кощунають, всякое словеса бестыдно говорятъ“, причеиъ на замѣчанія по этому поводу такъ оправдываются: „церковь де и трапеза—строеніе наше, какъ де хотимъ, такъ и играемъ ¹⁾).

Царскимъ указомъ, вызваннымъ челобитной Артемія, были осуждены всѣ виды „безчинія“, на которые жаловался послѣдній. Но если, несмотря на то, остались въ силѣ тѣ изъ нихъ, въ поддержаніи которыхъ не было заинтересовано

¹⁾ Веселовскій С. Б., *ibid.*

приходское духовенство, то тѣмъ менѣе можно было ожидать прекращенія пирушекъ въ церковныхъ стѣнахъ: батюшки въ большинствѣ случаевъ сами любили выпить не менѣе своихъ словесныхъ овецъ и при этомъ, вѣроятно, получали немалую долю „пивного кануна“ и съѣстныхъ припасовъ, помимо поминальной кутьи. Вотъ почему еп. Геласій въ 1683 г. въ заботахъ о „церковномъ устроеніи“ пытался не только выселить изъ трапезъ мірскія сходки, но и пирушества. Онъ долженъ былъ распорядиться, чтобы прихожане „по праздникамъ молебныхъ пивъ въ церковь не носили бы и въ трапезѣ не пили бы“¹⁾.

Отъ выселяемыхъ изъ храмовъ братчинъ страдали не только церковное благочиніе, но и церковная казна. Оказывается, часть церковнаго достоянія шла на варку сборнаго пива. Драгоценная для насъ челобитная діак. Артемія относительно этого даетъ такое показаніе. „А на всякой годъ на Владычныя храмовыя праздники варять пивъ по двѣнадцати и больше, солодъ збирають миромъ, а хмель купятъ на церковныя деньги. А во многихъ, государь, церквахъ скудно книгами и иными потребами, нечемъ воску купить на свѣчи и свмьяю и пшеницы на просвиры, во многихъ церквахъ просвиры приносятъ на жертвенникъ ржаные; о отъ того проторю многіе церкви оскудѣли. Досталную церковную казну земскія судьи и цѣловальники въ міръ розняли займами въ кабалы (т. е. подъ росписки), а платить по кабаламъ тѣхъ церковныхъ денегъ мірскіе люди и не думаютъ: „церковь де наша и строеніе наше и казна наша“.

Изъ этого свидѣтельства видно, что существованіе братчинъ въ томъ, по крайней мѣрѣ, видѣ, какой онѣ имѣли на сѣверѣ Россіи въ XVII в., было тѣсно связано съ самостоятельностью прихода, его независимостью отъ центральной власти, и правами на храмъ и на все его хозяйство. Естественно потому, что достигнуть успѣха въ попыткѣ—не уничтоженія братчинъ, а хотя бы удаленія ихъ изъ трапезъ—можно было лишь послѣ того, какъ расшатана будетъ автономія приходовъ, что случилось только при Петрѣ вел.²⁾. Но брат-

1) Р. И. В. XII, 567—568.

2) См. у г. Верюжскаго, о. с., гл. VI (стр. 187 и д.) исторію отхоженія къ приходской автономіи архіеп. Авадасія архангельскаго.

чины и послѣ того продолжали существовать, а одинъ документъ 1708 г. позволяетъ думать, что онѣ все еще не порвали тогда съ храмомъ. Приговоръ главной ратуши объ осмотрѣ и описи на сѣверѣ Россіи винокуренныхъ котловъ, трубъ и всякой винокуренной посуды предполагаетъ наличность ея между прочимъ въ приходскихъ церквахъ у церковныхъ прикащиковъ (старостъ) и повелѣваетъ взять ее за деньги, а найденные тамъ же пивоваренные котлы—оставить¹⁾. Очевидно, приготовленіе братскаго, въ складчину, пива и именно подъ покровомъ церкви не запрещалось: запрещено было только цѣдить вино, что, значитъ, вошло уже въ практику нѣкоторыхъ, если не всѣхъ, братчинъ...

Рѣшительная попытка порвать давнюю связь между братчинами и храмами сдѣлана въ 1750 г. въ архангельской епархіи. Найденный нами и ниже печатаемый документъ свидѣтельствуетъ, что въ данной епархіи было еще общимъ обычаемъ собираться прихожанамъ при церкви, въ трапезахъ и папертяхъ, привозить съ собою пиво, напиваться до пьяна, ссориться и драться между собою. Одна такая братчина кончилась столь сильнымъ пораненіемъ священника, что онъ чрезъ мѣсяць отдалъ Богу душу. Этотъ то случай и послужилъ для епархіальнаго начальства поводомъ къ повсемѣстному запрещенію распитія пива въ трапезахъ. Возможно, что въ этотъ разъ и удалось вытѣснить братчины изъ трапезъ, тѣмъ болѣе, что первыя потеряли уже давно свой религіозный характеръ, и на самыя трапезы прихожане смотрѣли какъ на простой домъ или какъ на царевъ кабакъ, куда, по примѣру Васьки Буслаева, совершали прогулки во время братскаго пира, чтобы скорѣе и сильнѣе опьянѣть.

Братчины, по удаленіи изъ трапезъ, на сѣверѣ Россіи не прекратили своего существованія²⁾. Но теперь онѣ должны были потерять церковное значеніе и религіозную санкцію, хотя, конечно, и продолжали посѣщаться духовенствомъ.

1) П. С. З. IV, № 2204. Въ юго-западной Россіи принадлежности для приготовления братскаго сыченого меда хранились въ школахъ, какъ тамъ же иногда происходили распитіе его и продажа остатковъ (П. И. Огиенко, Врусловское церковное братство и его культурно-просвѣтительная дѣятельность (Екатеринславъ. 1914), 8. 22. 23.

2) Тамъ по мѣстамъ онѣ и доселѣ живы (Половъ А., о. с., 34. 41. Бесловскій М. М., I, 204).

Какъ разъ для середины XVIII ст. сохранилось свидѣтельство М. В. Ломоносова, тѣмъ болѣе цѣнное, что онъ былъ свѣрявивъ, дающее видѣть, что священники наши не отказывались отъ участія во всякихъ семейныхъ торжествахъ своихъ прихожанъ, гдѣ пахло выпивкой. Въ запискѣ объ обязанностяхъ духовенства Ломоносовъ противопоставляетъ германскимъ пасторамъ нашихъ священниковъ: тѣ не ходятъ никуда на обѣды по крестинамъ, родинамъ, свадьбамъ и похоронамъ, а наши попы при всякой пирушкѣ по городамъ и селамъ первые пьяницы ¹⁾... Въ виду этого и присутствію духовенства на братчинахъ, виѣ трапезъ едва ли уже придавался идейный смыслъ, особенно послѣ того, какъ епархіальная власть пригрозила священникамъ всякими прещеніями за допущеніе пирующихъ въ стѣны храмовъ.

Приводимый ниже указъ архіед. Варсонофія, представляя собою видное звено въ цѣпи мѣропріятій правительства, ограничивавшихъ пьянство, насколько оно прикрывалось автономіей прихода, пополняетъ собою скудныя вообще свѣдѣнія наши о судьбѣ такого исконнаго русскаго института, какъ братчины. Насколько судьба его въ послѣднія два столѣтія слабо освѣщена историческими показаніями, видно изъ того, напр., что новѣйшій біографъ перваго холмогорскаго архіерея, В. Верюжскій, детально изучившій архангельскія церковныя отношенія въ концѣ XVII—началѣ XVIII ст., совершенно не зналъ, пережили ли братчины архіед. Аѳанасія: этотъ авторъ такъ выражается, что онъ, „какъ кажется, еще существовали во времена Аѳанасія“, но что онѣ должны были исчезнуть, какъ не гармонировавшія съ общимъ направленіемъ, какое приняла при немъ приходская жизнь, въ частности не мирившіяся съ контролемъ церковныхъ суммъ ²⁾.

Имѣетъ данный документъ и частное значеніе—для исторіи тарнянскаго прихода шаргородскаго уѣзда архангельской епархіи. Тарнянскій городокъ, гдѣ совершилась драма, приведшая къ изгнанію изъ церковныхъ трапезъ братскихъ пировъ, по Краткому историческому описанію приходовъ и

¹⁾ Лѣтописи русской литературы и древности Н. С. Тихомирова. I. отд. III, 197.

²⁾ В. Верюжскій, о. с., 245—246.

церковей архангельской епархіи, II, 35 (Архангельскъ. 1895), представляется самостоятельнымъ только съ 1820 г., съ 1421-го же года входившимъ въ составъ сосѣдняго райбальскаго прихода, хотя и имѣлъ свои храмы: каменный съ 1818 г. и деревянный Ильинскій съ 1785 г. Судя по данному документу, въ Тарнянскомъ городкѣ была церковь еще въ 1748—1750 г. и именно ильинская: 20 іюля тамъ пили роковое пиво... Впрочемъ, изъ напечатанныхъ еще въ 1892 и 1894 г.г. Актовъ холмогорской и устюжской епархіи (I. II) стало извѣстно, что церковь была въ Тарнянскомъ городкѣ еще въ 1601 г. ¹⁾.

Печатаемый нами указъ извлеченъ изъ Сборника копій съ указовъ по архангельской епархіи Императорской публичной библиотеки II, F, 191, л. 6, и издается съ измѣненіемъ орфографіи и интерпункціи.

К. Харламовичъ.

Указъ ея императорскаго величества самодержицы все-россійскія изъ шенкурскаго духовнаго правленія подвинской четверти вершинской волости попу Іакову Иванову съ причетники и съ прихожаны. Сею апрѣля 11 числа въ указъ ея императорскаго величества изъ консисторіи преосвященнѣйшаго Варсонофія, архіепископа архангелогородскаго и холмогорскаго, во оное духовное правленіе написано: Минувшаго де 1749 года августа 31 дня въ присланной въ консисторію преосвященнѣйшаго архіепископа изъ важеской воеводской канцеляріи промеморіи написано: по слѣдственному въ реченой воеводской канцеляріи дѣлу оказалось: въ прошломъ 748 году іюля 20 числа кокшенской четверти шевденицкой волости крестьянинъ Семень Ульяновскій, будучи въ Тарнянскомъ городкѣ и послѣ обѣдни пивши при церкви въ папертѣ сборное съ крестьянъ пиво и потомъ пивши въ кабацѣ и паки пришедши въ паперть съ прочими крестьяны, гдѣ и священникъ оной волости Ларионъ Ивановъ находился жь для питья оставшаго пива, и на-

¹⁾ Р. II. Б. XII и XIV — по указателю.

пившись, оной Ульяновской пьянъ покорился ¹⁾ съ крестьяниномъ Пѣшковымъ, за что ихъ оной священникъ изъ паперти выслалъ, и, вышедъ на имѣющійся при церкви рундукъ, оной же Ульяновской съ другимъ крестьяниномъ Петромъ Поповымъ бранился и дрался, отчего показанной священникъ объявленнаго Семена разговаривалъ, чтобы напрасно онаго крестьянина Цопова не обижалъ и не бранился, и противъ тѣхъ словъ оной Семень Ульяновской въ пьянствѣ, безъ умыслу и безъ всякой ссоры, вышеписаннаго священника, схвата за волосы, съ того церковнаго рундука, на которомъ стояли, по лѣстницѣ бросилъ, послѣ чего былъ боленъ августа по 15 число и того числа умре. А понеже и въ прочихъ епархіи его преосвященства приходѣхъ при церквахъ, въ трапезахъ и папертяхъ, такожь прихожане собираются, привозятъ съ собою пива, которыми напиваются допьяна, и между тѣмъ бывають ссоры и драки, что правиломъ святымъ вельми противно, того ради по ея императорскаго величества указу и по опредѣленію преосвященнѣйшаго Варсонофія, архіепископа архангелогородскаго и холмогорскаго, вельно отнынѣ въ епархіи его преосвященства во всѣхъ приходѣхъ при церквахъ святыхъ, въ трапезахъ и папертяхъ и въ оградѣхъ церковныхъ, вышеподобныхъ питей не чинить и для оныхъ людскихъ скоповъ не имѣть, дабы въ пьянствѣ ссоръ, дракъ и прочихъ продержостей при церквахъ святыхъ, какъ въ ономъ Тарненскомъ городкѣ учинилось, отнюдь впредь не происходило, и попамъ съ причетники въ своихъ приходахъ къ тому никого не допускать подъ неотмѣннымъ за преступленіе истязаніемъ и лишеніемъ чиновъ своихъ, чего заказикамъ надзирать въ каждомъ заказѣ и десятскимъ попамъ накрѣдко, и о томъ во всѣ заказы и къ десятскимъ попамъ, кон не подъ заказами, а изъ заказовъ, и отъ десятскихъ ко всѣмъ сельскимъ приходскимъ попамъ съ причетники и прихожаны послать указы. И того жъ числа по резолюціи шенкурскаго духовнаго правленія вельно о вышеписанномъ для непремѣннаго исполненія въ шенкурской соборъ, шенкурской и подвинской четвертей во всѣ приходы и попамъ съ причетники и съ прихожаны послать указы, о чемъ сей къ вамъ

¹⁾ Поссорился.

и посланъ къ попу Иванову съ причетники и съ прихожаны. Чинить о томъ по сему ея императорскаго величества указу, а о полученіи сего указа репортовать въ оное правленіе въ указной по генеральному регламенту срокъ. На подлинномъ писано (такъ): Закацикъ протоиопъ Михаилъ. Подъячій Николай Подосеновъ. Апрѣля 27 дня 1750 году.
